

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Старинная казачья станица Гундоровская, на месте которой возник город Донец Ростовской области, имеет очень интересную и в то же время противоречивую историю. Одна из её малоизвестных страниц связана с нахождением гундоровских казаков в эмиграции в европейских и других странах. Об этом вспоминают прежде всего в связи с тем, что казаки Донского Гундоровского георгиевского полка, проведя два десятилетия в изгнании, в 1941 году примкнули к войскам германского вермахта и поддержали его агрессию против СССР. Этому факту не может быть никакого оправдания и понимания. Однако знание того, как донские казаки жили в эмиграции и какую память в европейских странах о себе оставили, расширяет кругозор читателей и даёт им возможность на основе публикуемых сведений представить себе, какие талантливые люди когда-то проживали в станице Гундоровской.

Об этом рассказывается в очередной исторической статье нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Такие разные судьбы...

В Донском Гундоровском георгиевском полку ещё на острове Лемнос был создан прекрасный полковой хор. Руководил им выпускник Московского синодального училища, молодой пехотный офицер (ставший затем сотником) Сергей Александрович Жаров. Этот офицер, будучи церковным регентом по довоенной профессии, смог собрать талантливых казаков и казачек. Обучил их церковному, а также, как тогда говорили, «вольному» пению, и созданный в таких тяжелейших условиях хор стал лучшей отрадой для всех сослуживцев в дни церковных, войсковых и полковых праздников.

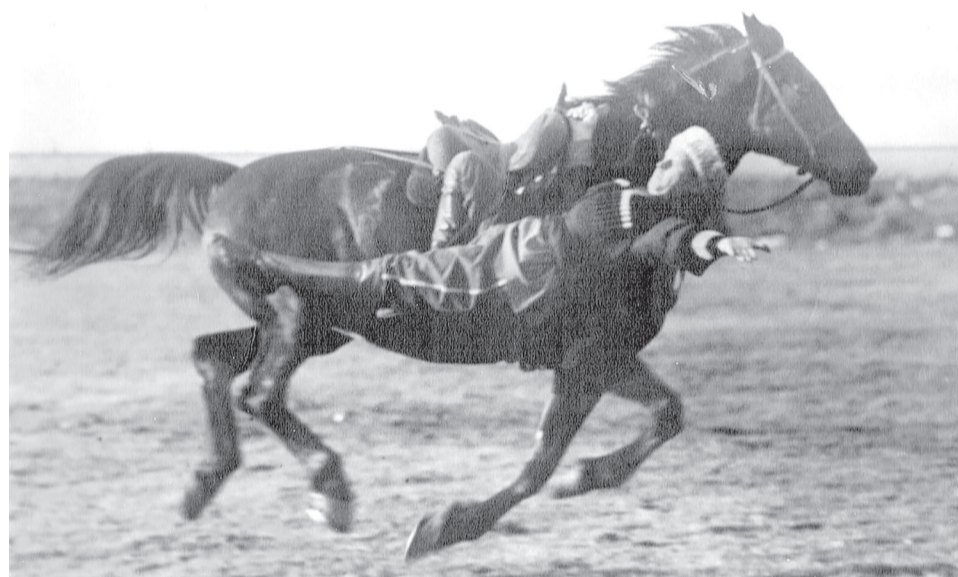
В бедственные дни начала эмиграции в Болгарии Сергей Жаров работал на лесопильном заводе. Конечно, это не самое воодушевляющее для творческого человека место. Но потом, начиная с 1923 года, донской казачий хор под управлением Сергея Александровича Жарова объехал полмира, побывал почти на всех континентах и просуществовал более полувека. Сам Жаров прожил достаточно долгую жизнь. Умер он в возрасте 88 лет в Лейквуде, штат Нью-Джерси, США (похоронен на Владимирском кладбище). После себя С. А. Жаров оставил много воспоминаний, газетных статей и хоровых произведений.

Любопытнейший документ, посвящённый этому хору, хранится в делах Гундоровского полка в Государственном архиве Российской Федерации. Это приказ по Донскому Гундоровскому георгиевскому полку № 76 от 29 сентября 1923 года (по строевой части):

«В конце июня сего года певческий хор вверенного мне полка выехал из города София в Париж в расчёте устроиться там, на работах обыкновенными поденщиками. Проезжая через Вену, хор попытался остановиться в столице Австрии на самое короткое время с намерением дать хотя бы один концерт при самом тёплом участии верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев барона Ван Дер Хофена, который изыскал возможность в самой лучшей обстановке дать в столице Австрии концерт хора. Концерт был неожиданно хорошо встречен и закончился блестящим успехом как со стороны художественной, так и со стороны материальной.

Барон Ван Дер Хофен после этого берёт хор под своё исключительное покровительство, устраивает ему ряд концертов, а потом и в провинции. И в результате начинает полковой хор по-настоящему работать по своей основной специальности в Австрии и в Венгрии, чувствуя себя во всех отношениях великолепно.

Верховный комиссар Лиги Наций

Джигитовка казака.

Гундоровец Яков Васильевич
Тетеревятников, солист
словацкой оперы, на сцене.
30-е годы XX века.

отправил хор на концерт в Зальцбург. Кроме того, барон Ван Дер Хофен — официальный представитель Донского казачьего хора, что уже дало последнему правовое положение за границей.

Ряд полученных мною от регента писем (имеется в виду сотник С. А. Жаров) свидетельствуют, что особое покровительство барона Ван Дер Хофена простирается на каждого казака, проезжающего через Вену. Нравственно вполне удовлетворённый положением хора, неизменно поддерживающего славу донцев далеко за пределами Болгарии, я всё же вижу особую причину успехов хора во внимании и особой заботе барона Ван Дер Хофена как

к донцам, так и к участникам хора. Высоко ценя заслуги барона Ван Дер Хофена перед полком и желая запечатлеть его деяния в истории полка, я, с ведома и полного согласия барона Ван Дер Хофена, предписываю зачислить его в списки первой сотни вверенного мне полка. Отличительный знак полка — георгиевские петлицы — препроводить регенту хора сотнику Жарову для вручения их вместе с копией настоящего приказа новому гундоровцу — барону Ван Дер Хофену».

Так что тем, кто в станице Гундоровской сейчас носит казачью форму, будет интересно узнать, что в списки казаков в 1923 году был зачислен барон, да ещё не какой-нибудь, а Верховный комиссар Лиги Наций.

О творческом пути казачьего хора под управлением Сергея Жарова подробно рассказывалось в эмигрантском журнале «Родимый край»:

«Родина Донского казачьего хора — Донской корпус.

После эвакуации русской армии из Крыма из чинов Гундоровского георгиевского полка, бывшего под командованием генерала Гусельщикова, организован полковой хор, который пел на церковных службах в Чилингирском лагере в Турции, а затем на Лемносе и в Софии.

Прибыв из Лемноса в Софию, хор стал петь в Русской посольской церкви.

Художественность исполнения, богатый голосовой материал, техника, дисциплина, талантливое исполнение — всё это заставило говорить о хоре и прибавило ему смелости попробовать свои силы на европейской эстраде. Преодолев материальные затруднения, хор в 1923 году выехал в Австрию и провёл

свой первый концерт в Вене. Результат первого концерта превзошёл все ожидания. Сразу же хор получил выгодные ангажементы, и в одной только Вене было дано около 30 концертов подряд».

О дальнейшем поистине триумфальном пути по сценическим площадкам Европы постоянно рассказывал своим читателям эмигрантский журнал «Казачий Союз».

В 1927 году в нём были помещены ещё достаточно свежие воспоминания об одном из первых выступлений хора Гундоровского полка в Праге:

«Театр переполнен народом. На сцене театра появились станичники в беженском одеянии. Кто — во френче, кто — в гимнастёрке. Внешний вид хора оставлял много лучшего. Появился С. А. Жаров. Хор замер. Зал притих. Мы, казаки-слушатели, были в нервном состоянии. Страстно, безумно хотелось видеть успех своих братьев-казачков, выступающих перед иностранцами. Уверенно взмахнул С. А. Жаров, этот маленького роста маг, своей дирижёрской палочкой... Видно было, что станичники много поработали, прежде чем выступить со своей песней на чужбине. Концерт кончился. Публика расходилась. Видно было, чувствовалось, что казачья песня произвела колоссальное впечатление на чужих людей, впервые её слышавших».

А теперь — другая статья, которая рассказывает о гастролях хора, но уже на Британских островах:

«В Англии хор Жарова в 1924 году, в декабре, гастролировал под названием «Донской Гундоровский хор», и он был приглашён в королевский дворец. И там же казаки джигитовали, сначала в Ирландии, а потом в Шотландии. Казаки привили в Англии новую моду. Масса барышень и дам щеголяет теперь в высоких лакированных сапожках».

Выступления хора превращались в настоящие спектакли. В репортаже журналиста Добрынина из издания «Казачий Союз» есть такое описание:

«Рисуеться обычная родная картина. Вечер... С поля там и сям тянутся по широкой, ещё дышащей дневным зноем степи подводки на ночь к станице. Мерным шагом, загребая ногами мягкую горячую пыль, идут волю, запряжённые в просторный тяжёлый воз. На переднем возу сидят два соседа, и оба они ушли в исполнение родной песни. Далеко-далеко, на верхних регистрах, несётся широкий навевающий грусть мотив подголоска, за ним «говорит» второй голос. Эти два голоса слились в одно. В них отражается мощь широкой привольной степи, тоскливая нотка по прошлому, по всему тому, что создало славу казачеству».

Своим туром по миру гундоровцы оказали донскому казачеству неоценимую услугу. И так, почин гундоровцев нужно приветствовать от всей души — их работа принесёт для донского казачества значительно больше пользы, чем различные дутые самозванные казачьи организации, растущие, как грибы, и претендующие на выражение настроений всего казачества всегда и всюду... Работа гундоровцев оставит свои следы».

В 1927 году участники хора посетили Австралию. Там, на «зелёном континенте», больше всего впечатлений оставил местной публике бас-октава Николай Павлович Шляхтин, представитель одной из самых известных в станице Гундоровской военно-служивой династии.

Он исполнял «Стеньку Разина» своим замечательным голосом, как писалось в местной прессе: «...таким красивым и мощным басом, как и он сам».

В ноябре-декабре 1930 года Донской казачий хор под управлением С. А. Жарова гастролировал в Америке. Следует иметь в виду, что это было время тяжелейшего экономического кризиса в США. И всё же газета «Нью-Йорк Америкэн» 29 октября 1930 года опубликовала такой отзыв о выступлении жаровцев: «...хор донских казаков поражает и волнует. Публика доведена до полуистерического состояния. Хор представляет собой, вероятно, самую поразительную мужскую хоровую организацию, посещавшую когда-либо наш город».

Был ещё и такой отзыв американской газеты: «Тридцать пять Шляхтиных под управлением маленького Жарова — Тосканини».

В эмиграции, в разных европейских странах и на американском континенте, раскрылся талант ещё одного выходца из Донского Гундоровского георгиевского полка, уроженца станицы Гундоровской Якова Васильевича Тетеревятникова. Не окажись он в 1920 году в эмиграции, и неизвестно, как сложилась бы его судьба и удалось бы ему стать известным певцом европейского уровня в 20-30-х годах двадцатого столетия.

«В воскресенье, 3 марта 1929 года, состоялся в музыкальном зале «Моцериум» в Праге концерт баса-баритона казака Я. В. Тетеревятникова. Как по охвату репертуара, так и по качеству его исполнения этот концерт может считаться образцовым. В последние годы у Тетеревятникова прибавились большая чёткость музыкальной фразы и углублённость музыкальной трактовки. К числу достоинств Якова Тетеревятникова следует отнести его превосходную дикцию, качество, не часто встречающееся в вокальной семье.

Яков Васильевич Тетеревятников, казак станицы Гундоровской Все-великого войска Донского, родился 10 августа 1894 года. По окончании Платовского реального училища в станице Усть-Медведицкой поступил в Донской политехникум в городе Новочеркасске, где и посещал Донское музыкальное училище. Во время Великой войны поступил в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища, окончив которую, вышел в казачьи части, в составе которых пребывал до эвакуации из Крыма. Первые годы находился вместе с Гундоровским георгиевским полком в Софии, где в продолжение года был солистом в знаменитом хоре Жарова. В 1922 году прибыл в Прагу, где записался в политехникум, который блестяще окончил. Сейчас ни одно культурно-казачье начинание в Праге не проходит без живого участия «нашего Яши».

В 1929 году Тетеревятников окон-

чил инженерно-агрономический факультет Пражского политехнического института. И в тот же год был принят на работу солистом Словацкой народной оперы в Братиславе (в то время это Чехословакия). В 30-е годы он выезжал с концертами в страны Западной Европы и охотно выступал на вечерах казачьей общности. В публикации казачьих газет цитировались строки концертного репортажа: «...публику приводил в прекрасное настроение и поража л силой и техникой своего голоса наш молодой донец, славный баритон Я. В. Тетеревятников».

В конце 30-х годов, когда всё яснее стало ощущаться угроза агрессии Германии против Чехословакии и начала Второй мировой войны, Яков Васильевич Тетеревятников с женой и сыном выехали на жительство в США. Жил он там под фамилией Шикоров в штате Калифорния. На этом довольно пунктирные сведения об уроженце станицы Гундоровской обрываются, и другой информации о жизни и возможной концертной деятельности Тетеревятникова в Америке пока обнаружить не удалось.

Первый состав хора Гундоровского полка с генералом Гусельщиковым. 1924 год.

Хор Жарова во время выступления.

Характерно, что не только простые граждане европейских государств, но и члены королевских семейств Европы с участием относились к судьбе донских казаков. Казаки-гундоровцы удостоились чести встречаться не только с членами королевской семьи Великобритании, но и других стран. Так, например, в 1926 году бельгийская королева восхищалась артистическими качествами уроженцев станицы, и узнать об этом можно было из журнальной публикации:

«Донская группа джигитов во главе с полковником Шляхтиным Николаем Яковлевичем, переехавшая при поддержке казачьего союза в Бельгию, имела громадный успех в Брюсселе. На джигитовке присутствовали члены королевской семьи и бельгийская знать. Королева вызвала Шляхтина и горячо благодарила джигитов. Материальный успех позволил прикупить ещё шесть лошадей и довести количество собственных лошадей с 15 до 30. И это при том, что в те же месяцы потерпела фиаско в Германии группа генерала Шкуро, и казаки, распродав лошадей, снова пошли работать на подённую работу».

Хорошие впечатления оставляли мастера циркового наездничества во Франции.

«Группа джигитов в четырнадцать человек во главе с полковником Шляхтиным Н. Я. и господином Ремелёвым удачно начала выступления в Нанте, затем в Шале, в Рьенне, в Эльбефе и Руане. Художественный успех в этих городах очень большой, так как группа джигитов состоит из лучших сил и джигитует на хороших лошадях».

группы джигитов, выехавших в Северную Америку с инженером Мелеховым и там прогоревших, пришлось превратиться в хористов. Они образовали три хора, не отличающихся особыми достоинствами. Офицеры и казаки распавшейся в Германии группы джигитов генерала Шкуро и С. Панасенко работают большей частью в цирках. Работа тяжёлая».

Надо сказать, что «Вестник Казачьего Союза» постоянно следил за передвижениями хоров и групп джигитов и сообщал о случаях, когда требовалась помощь Казачьего Союза. О том, в чём это выражалось, было сообщено в номере вестника от 15 декабря 1929 года:

«Группа джигитов под командой полковника Шляхтина Н. Я. попала во Францию в тяжёлое положение. Группе грозил развал. Продажа с молотка за бесценок дорого доставшихся лошадей и сёдел. Два калмыка приготовились к самоубийству.

В критический момент Шляхтин Н. Я. обратился к Казачьему Союзу с просьбой не о помощи, а о спасении, и Казачий Союз помог. Люди были спасены. Лошади освобождены от грозившего аукциона, и группа джигитов полковника Шляхтина спокойно уехала на работу в Бельгию».

Ещё одним из известных имён казаков-гундоровцев стало имя казачьего поэта, выходца из Донского Гундоровского георгиевского полка Сергея Фёдоровича Сулина, который ещё на Лемносе организовал самодеятельный театр.

Стал достаточно известным поэтом, чьи стихи постоянно печатали в эмигрантских изданиях, другой выходец из полка и всеобщий любимец казаков Николай Туроверов.

Многие, очень многие казаки этого воинского формирования, несмотря на тяготы и лишения эмиграции и подорванное двумя войнами здоровье, смогли прожить до начала 60-х и даже 70-х годов двадцатого века. Летом 1964 года с разрешения советского правительства несколько десятков таких долгожителей побывали в своих родных станицах на Дону и Северском Донце. Жителям станицы Гундоровской надолго запомнились хорошо, на западный манер, одетые седовласые старики, которые в первые же часы пребывания в станице отправились в Успенский храм и заказали в нём молебен в память обо всех казаках Донского Гундоровского георгиевского полка, так никогда и не увидевших свою родную станицу после декабря 1919 года. Вспомнили о тех, кто навеки остался на полях сражений от станиц Старочеркасской и Ольгинской и до Северной Таврии и Крыма. Тех, кто похоронен на кладбищах чужих государств. Все они искали счастливой доли и лучшей судьбы в эмиграции. Но, как выяснилось, так и не нашли.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

А в следующем 1927 году в том же «Казачьем вестнике» в разделе зарубежной хроники сообщалось:

«Донская группа джигитов во главе с полковником Н. Я. Шляхтиным работает в Испании. Первые выступления прошли с большим успехом».

Но уже через два месяца тон публикаций о лихих наездниках изменился:

«Донская группа джигитов полковника Шляхтина Н. Я. в Испании, в Гренаде, в Малаге и в Кордове. Дела денежные идут средние. Остатки